

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ УГОРСКОГО ПРОЕКТА

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ: ЭКОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

**Н.Е. ПОКРОВСКИЙ, Т.Г. НЕФЕДОВА, С.А. БОБЫЛЕВ, В.А. ДРОЗДОВ,
М.С. ГУНЬКО**

THE PERSPECTIVES OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT FOR THE NEAR NORTH
OF RUSSIA: ECOLOGY, CULTURAL HERITAGE, NEW SETTLEMENTS

ОБОСНОВАНИЕ И ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

Постановка вопроса

Междисциплинарное исследование процессов модернизации, происходящих в сельских районах российского Ближнего Севера касается огромного исторического и геополитического региона Европейской части России. Несмотря на демографический кризис и видимое умирание хозяйственной деятельности в деревнях и поселках северного Нечерноземья, социологи, экономисты и социальные географы отмечают возникновение нового уклада, связанного с т.н. "очаговой экономикой" - прямого следствия проникновения глобализационных процессов в эти регионы. Возрастает географическая мобильность населения (во многом вынужденная в данных условиях), повсеместно увеличивают свое присутствие информационные технологии (мобильная связь, цифровое спутниковое телевидение, Интернет), все шире развивается сервисная экономика, создающая экономические очаги вокруг доходоприносящих центров экологического туризма, производства чистой экологической продукции, современных форм рекреации. Все это в комплексе создает противоречивую и контрастную картину конфликта и взаимодействия различных тенденций на огромных и чрезвычайно перспективных территориях.

Экономический и социально-демографический кризис в российском сельском хозяйстве негативно сказывается на социальной и экологической устойчивости развития сельских сообществ, ущемляет интересы будущих поколений. Так, краткосрочные интересы выживания сельских жителей приводят к деградации окружающей среды. Это выражается в росте браконьерства, незаконных охоте, рыболовстве, вырубке леса, во многих местах сверх допустимого уровня возрастает сбор грибов, ягод, лекарственных растений, что в целом приводит к деградации многих локальных экосистем, уменьшению биоразнообразия. Есть ли ненасильственные, не требующие очередных радикальных "декретов", способы разомкнуть порочный круговорот деревенской жизни с её неисчислимыми негативными чертами и мягко, но бесповоротно инициировать процесс фундаментальной демократизации села в контексте гражданского общества?

Россия как часть мирового "постиндустриального" сообщества.

При всей сложности современного состояния России, страна все больше и больше включается в общемировые процессы постиндустриализации. В этом смысле можно предполагать, что "транзит" сложно и противоречиво развивается все же в направлении глобального сообщества, а не по иному вектору. Подчас это происходит скрыто, неявно. И, как это ни странно на первый взгляд, казалось бы наиболее экономически, политически и культурно отличающаяся часть нашего общества, сельское население, по-своему воспроизводит новые глобальные матрицы и реагирует на постиндустриальные тенденции.

Новые сельско-городские сообщества ("агрегации").

Одно из проявлений постиндустриальных матриц в российском обществе можно увидеть в возникновении на селе новых сельско-городских сообществ ("агрегаций"). В наши дни достаточно многочисленные социальные группы жителей больших индустриальных городов приобретают на правах личной собственности дома и наделы земли в отдаленных селах и деревнях.

На поверхности этот процесс представляется в виде вынужденного шага со стороны тех горожан, которые не могут обеспечить себя и свои семьи средствами для полноценного и современно организованного отдыха (туризма, санаторного лечения и т.д.), хотя субъективно аргументация новоявленных "деревенщиков" может быть и иной. В ряде отнюдь не единичных случаев первоначально присутствующая чисто рекреационная мотивация горожан перерастает в нечто большее, а именно в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села, к ведению хозяйства, к экономической, политической и культурной модернизации сельских сообществ. Городская культура позволяет горожанам видеть огромные не реализованные

возможности села во всех сферах жизни. Сельские жители, находясь часто в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. И это, действительно, так. Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать и уже стихийно создает и некие новые социальные структуры - сельско-городские (пока что незримые и нередко нераспознаваемые) сообщества.

Исследовательская задача: создать модель намечающейся новой волны миграции из городов в экологически чистые районы Ближнего Севера, т.н. «дауншифтинга» в среде нарождающегося городского среднего класса.

РОССИЙСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА

Для России поддержание огромных пространств периферии регионов всегда было большой проблемой. Особенно проблематично выживание крупных сельскохозяйственных предприятий и сельских поселений в периферийных районах Ближнего Севера, большая часть которых находится в состоянии перманентного кризиса, несмотря на то, что в целом по России показатели сельского хозяйства за последние годы улучшались. Но сама по себе, периферия – не гомогенное образование, она сильно различается в зависимости от природных условий, особенностей исторического развития, степени удаленности от центра и основных осей развития.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА РЕГИОНА БЛИЖНЕГО СЕВЕРА

В основе любого экономического развития лежат четыре вида капитала:

- человеческий капитал,
- физический капитал (искусственно созданные средства производства, искусственный, произведенный капитал),
- природный капитал,
- институциональный капитал.

В последнее время возрастает осознание того, что экономика должна жить не только по экономическим законам, но и учитывать экологические. Это положение отражено в концепции устойчивого развития (sustainable development), принятой всеми странами мира еще на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Дальнейшее развитие возможно только в достаточно узких рамках экологического «коридора». За последние 2-3 года

развитие получили новые концепции и подходы к экологизации как мировой экономики, так и отдельных стран. Здесь можно выделить разработки ООН (green economy (зеленая экономика)) и ОЭСР (green growth (зеленый рост)). Предстоящая в 2012 г. Конференция ООН «Рио+20» в центре внимания поставит проблемы экономического развития человечества и отдельных стран, связанные с решением экологических проблем.

ПРИРОДНЫЙ КАПИТАЛ И БЛИЖНИЙ СЕВЕР

В связи с этим все больше осознается ограниченность интерпретации природного капитала только как природных ресурсов. Для успешного экономического роста необходим учет и других экологических функций. Это привело к попытке учесть в теории экономическую значимость всех его составляющих, их способность приносить доходы и выгоды, как это и положено любому капиталу. В самом общем виде можно выделить три функции природного капитала:

- 1) ресурсная – обеспечение природными ресурсами производства товаров и услуг;
- 2) экосистемные/экологические услуги – обеспечение природой различного рода регулирующих функций: ассимиляция загрязнений и отходов, регулирование климата и водного режима, озоновый слой и т.д.;
- 3) услуги природы, связанные с эстетическими, этическими, моральными, культурными, историческими аспектами. Это своего рода «духовные» экологические услуги;
- 4) обеспечение здоровья людей.

Если первая функция природного капитала хорошо знакома и отражена в литературе учеными на протяжении веков, то экономическая интерпретация экологических услуг - как экосистемных, так и «духовных» - еще только начинается. Также недостаточно внимания уделяется роли природы, загрязнения окружающей среды в воздействии на здоровье людей. Эти во многом «немонетизированные» функции природного капитала надо включать в экономический оборот, и это в последние годы становится все яснее. Появилось большое количество международных и национальных исследований, в которых делаются попытки на теоретическом и практическом уровнях «инкорпорировать» разнообразные функции природного капитала в процесс принятия социально-экономических решений. Связано такое понимание, к сожалению, с теми огромными негативными экономическими последствиями, вызываемых игнорированием экономики экоуслуг. Необходимо осознать, что «бесплатная» природа оказывается очень

дорогой для человека, если адекватно не учитывать ее услуги и функции. И примеров тому в России и мире становится все больше.

Рассмотрим более подробно экономическую роль экосистемных/экологических услуг. Это функции экосистем, обеспечивающие экономические выгоды для потребителей этих услуг, базирующихся на обеспечении природой различного рода регулирующих функций. Потребителями этих услуг могут находиться как на локальном уровне (например, отдельные предприятия), так и на региональном и глобальном уровнях - целые регионы и страны. В последнем случае можно говорить о глобальных экосистемных услугах.

В классической работе “Услуги природы: общественная зависимость от природных экосистем” (под редакцией известного американского экономиста-эколога Г. Дейли) (Daily, 1997) в качестве примеров экосистемных услуг приводятся очистка воды и атмосферного воздуха, регулирование осадков и засухи, ассимиляция и детоксикация отходов, формирование и сохранение почвы, стабилизация климата, борьба с вредителями и болезнями, сохранение биоразнообразия в интересах сельского хозяйства, защита от ультрафиолетового излучения и многое другое.

В последние годы рассмотрение экосистем как капитала получило свою практическую интерпретацию в разработках Экологического департамента Всемирного Банка. В частности, в работе С. Паджиолы, К. фон Риттера и Дж. Бишопа (Stefano Pagiola, Konrad von Ritter, Joshua Bishop) “Оценивая экономическую ценность сохранения экосистем” (Assessing the Economic Value of Ecosystem Conservation) (2004) предлагается рассматривать экосистемы в качестве одной из форм капитала. Например, леса – это богатство с точки зрения древесины и недревесных продуктов, а также услуг, которые они предоставляют. Подобно тому, как запас физического капитала определяет масштабы промышленного производства страны, запас природного капитала определяет количество экологических услуг, которые может получить страна. Экосистемы, рассматриваемые в качестве природного капитала, имеют преимущества перед физическим (искусственным) капиталом, так как при условии грамотного управления они способны восстанавливаться. Но, как и физический капитал, природный капитал подвержен истощению, из-за чего сокращаются будущие производственные возможности. Так, говоря о лесных угодьях, темпы вырубki, превышающие темпы естественного роста, обеспечиваются за счёт сокращения запаса данного ресурса. Из-за этого пострадает будущее производство, а также любые иные услуги, производство которых зависит от лесов.

Исследовательская задача: изучить современное состояние и перспективы расширения экосистемных услуг в регионе Ближнего Севера с особым фокусом на Костромскую область.

БЛИЖНИЙ СЕВЕР В ПЕРСПЕКТИВЕ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ

Российский Ближний Север является важным поставщиком экосистемных услуг на региональном, национальном и даже глобальном уровнях. Здесь можно отметить такую важную роль региона для устойчивости мировой биосферы как регулирование климата. Леса и болота Ближнего Севера депонируют огромное количество углерода, что снижает риски дестабилизации мировой климатической системы. К сожалению, эти экосистемные услуги не получают практически никакого экономического эквивалента, не несут выгод не регионам, не стране.

Для экономиста и социолога причина деградации многих функций природного капитала очевидна: это их экономическая недооценка, что приводит к проигрышу варианта сохранения «бесплатной» природы по сравнению с техногенными вариантами развития (сельское хозяйство, населенные пункты, промышленность и т.д.). И это общемировая болезнь. Сколько стоит лес? Сейчас оценивается только его ресурсные функции, произведенная из него продукция – дома, мебель, бумага и пр. А лесные водорегулирующие функции не принимаются во внимание.

Отдельные природные блага и объекты могут обеспечивать реализацию как отдельных функций природного капитала, так и все их в комплексе. Примером собственно ресурсного обеспечения являются древесина, нефть, газ, металлы и т.д. Упомянутый выше лес является компонентом природного капитала, потенциально реализующий все четыре его функции: 1) лес обеспечивает ресурсами древесины, недревесной продукцией (грибы, ягоды и т.д.); 2) предоставляет важные экосистемные услуги – регулирование климата через связывание парниковых газов, водного баланса, защита земель от эрозии, сохранение биологического разнообразия и т.д.; 3) дает удовольствие от созерцания красивого лесного ландшафта, наслаждение от туризма, спорта и путешествий, от наблюдения за флорой и фауной лесных экосистем; 4) сохраняет чистоту воздуха и воды, что поддерживает здоровье человека.

РИСКОГЕННАЯ УЯЗВИМОСТЬ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА

В последнее время все большее внимание привлекают вопросы, связанные с возрастающим опасным воздействием разнообразных промышленных производств и транспорта, как правило, характеризующимся «техногенным риском».

Риск является прогностической оценкой вероятности неблагоприятного исхода развивающейся ситуации, которая измеряется вероятностью таких последствий и вероятной величиной потерь. Особое место в системе рисков занимает экологический. Это комплексное понятие, включающее в себя непосредственно показатель опасности техногенного влияния и ресурсные ограничения к развитию промышленного объекта. Необходимость рассматривать экологический риск возрастает на этапе проектирования нового предприятия, дабы можно было выбрать оптимальное место для строительства, отвечающее ресурсным требованиям, и характеризующееся высокой устойчивостью к постоянному (детерминированному) и аварийному техногенному загрязнению. Таким образом оценка экологического риска нового предприятия делится на три пункта: оценка ресурсных ограничений, оценка опасности постоянного и аварийного воздействия.

Далеко не все существующие подходы к решению проблемы оптимальной с экологической точки зрения локализации нового предприятия в полной мере отвечают целям обеспечения устойчивого функционирования региона. Это связано с отсутствием единой, детально проработанной с научной точки зрения методики оценки вероятностного экологического ущерба, которая бы учитывала потенциал самоочищения/загрязнения компонентов окружающей среды; погрешностями статистического учета ресурсов в Российской Федерации; а также с объективными причинами - значительной сложностью процессов и неопределенности реализации неблагоприятных событий, на что влияет множество факторов.

Целью проекта является создание комплексной методики оценки составляющих экологического риска в привязке к региону Ближнего Севера России на этапе выбора площадки для локализации ресурсоемкого промышленного предприятия (на примере староосвоенных северных регионов Европейской части РФ, в особенности Костромской области).

Исследовательская задача в рамках данного проекта: оценка рисков создания новых индустриальных предприятий большого масштаба.

В проекте будут рассмотрены подходы к оценке аварийных и детерминированных воздействий предприятия на природу и сельские сообщества Ближнего Севера (на примере Мантуровского района Костромской области и других локализаций). Как уже отмечалось выше, риск – вероятностная величина. Для оценки рисков целесообразно воспользоваться методами теории вероятностей, которые широко применяются в отечественной (методики, разработанные во Всероссийском институте по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций) зарубежной практике («Руководство по

классификации и приоритизации риска в результате чрезвычайных происшествий на промышленных производствах», 1993 г. Совместная работа МАГАТЭ, Всемирной программы развития окружающей среды (UNEP, United Nations Environment Program), Всемирной организации промышленного развития (UNIDO, United Nations Industrial Development Organization), Всемирной организации здравоохранения ВОЗ (WHO, World Health Organization)). С математической точки зрения риск – это математическое ожидание ущерба за рассматриваемый период времени, т.е. произведение вероятности реализации аварии с определенным ущербом на соответствующую величину ущерба. Вероятностный метод является совершенно прозрачным, объективным и опирается на статистические данные об уже произошедших событиях. Этот метод основан на использовании математических моделей для определения вероятностей и последствий.

Кроме традиционных методик воспользуемся в предлагаемом проекте одним из новейших способов пространственной оценки риска, которой является автоматизированный пространственный анализ, ставший возможным с появлением программных продуктов геоинформационных систем (ГИС).

С помощью ГИС-технологий возможно интегрировать все качественные и количественные показатели с получением единого индикатора экологического риска с последующим районированием по нему. Таким образом при комплексном использовании доработанных традиционных методик и ГИС-технологий возможно получить картину пространственного распределения индикатора, что в значительной степени облегчит проблему выбора локализации нового предприятия.

Исследовательская задача: применить новейшие методы оценки экологических рисков в приложении к региону Ближнего Севера.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ «СЖАТИЕ» РЕГИОНА БЛИЖНЕГО СЕВЕРА: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА

Помимо общероссийских и региональных институциональных и экономических факторов, главным локальным ограничителем развития таких районов остаются социально-демографические факторы, необходимая квалификация и трудоспособность кадров даже при избытке незанятого сельского населения. В таких районах спонтанно осуществляются *модели экономики "хозяйственного сжатия"*. Они не остановят уменьшения населения, уход крупноплощадного сельского хозяйства и сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения, спасут от тотального забрасывания земель. Таких моделей может быть несколько, причем они вовсе не исключают друг друга.

Первая модель – сельскохозяйственная с сохранением агропредприятий.

Отдельные агропредприятия, вошедшие в цепочки локальных или региональных агропромышленных структур, имеют шансы выжить и на периферии, но они нуждаются в доступных кредитах, модернизации производства и т.п. Остальные агропредприятия, даже убыточные, резко сократившие посевные площади и почти ничего не дающие на общероссийский рынок, в таких районах сохраняет локальное значение, оставаясь поставщиком продукции на местные заводы. Агропредприятия служат также организаторами местной жизни, спасая поселения от наступления леса. Наличие предприятия отчасти задерживает сжатие социальной инфраструктуры, а, следовательно, обеспечивает и иные рабочие места. Такие квази-предприятия нуждаются в помощи государства именно как социальные институты для поддержания местной жизни. Если предприятия уже нет, функции организатора зачастую берет на себя местная сельская администрация, причем не только социальные, но и экономические функции, и тоже нуждается в большей поддержке. Впрочем, здесь многое зависит от того, способны ли руководитель предприятия или глава администрации стать реальными лидерами.

Вторая модель связана с мелким частным сельским хозяйством, с усилением его товарности, что возможно в районах не очень сильной сельской депопуляции или в районах, сумевших привлечь и задержать мигрантов. Там же, где потеряна большая часть бывшего населения (к таким районам относится Костромская периферия), страта тех, кто способен активизировать товарность своего хозяйства, довольно узка: 10-15% (Нефедова, 2008). Поэтому такие районы нуждаются в специальных программах по привлечению мигрантов. Главным фактором, помимо человеческого капитала, здесь оказывается степень включенности района в систему экономических связей (транспортная доступность, доступность рынков сбыта продукции и т.п.) и снижение бюрократических проволочек и транзакционных издержек на региональном и районном уровне по сельскохозяйственному реосвоению мелкими собственниками или арендаторами части заброшенных колхозами земель.

Третья модель - уход от монофункционального развития малых городов и сельской местности, порой с заметным изменением специализации. Она предполагает специальные усилия для повышения активности местного населения, стимулирование видов деятельности, связанных как с сельским хозяйством (***переработка агропродукции, пчеловодство*** и т.п.), так и с использованием природных ресурсов леса и воды. В зоне тайги – это чаще всего ***лесозаготовки и лесопереработка***, хотя лесохозяйственная монофункциональность также может стать тормозом развития. Во многих районах, где население активно собирает грибы и ягоды, необходимо стимулирование их закупки и

переработки даров леса для насыщения крупногородских рынков и ликвидации такого абсурдного явления, как китайские и итальянские грибы на прилавках крупных городов. Здесь также велика роль местных лидеров, но важнее – инвестиционная привлекательность региона, позиции местных властей по отношению к внешним инвесторам, часто из крупных городов из-за тотального дефицита местных финансовых ресурсов. Весьма популярны *рекреационно-туристические схемы развития* депрессивных ныне районов. Однако при прогнозировании создания туристических или рекреационных баз необходима оценка множества ограничивающих факторов: степени уникальности и привлекательности данного природного или культурно-исторического места, наличие территорий-конкурентов, ближе и удобнее расположенных к крупным городам, возможности и стоимости развития необходимой инфраструктуры, наличие трудового потенциала для высококачественного обслуживания отдыхающих. Опыт создания баз отдыха в подобных районах заканчивается обычно завозом работников из городов или пригородов. Тем не менее, любое стимулирование туристической активности на территории может дать стимул развитию сферы обслуживания.

Четвертая модель – создание достопримечательных мест - работает для малых городов и деревень, расположенных в особо живописных местностях или имеющих ценные памятники истории и культуры. Их развитие как достопримечательных мест может быть инициировано снизу и закреплено специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровне. Они нуждаются в дополнительном финансировании для сохранения традиционного хозяйства населения и антропогенных ландшафтов хотя бы вокруг деревень, церквей и т.п., а также для стимулирования активности местного населения, что тесно связано с третьей моделью развития (обеда, ночевка, бани, продажа продуктов и сувениров).

Если же местного населения, кроме нетрудоспособных жителей, в сельской местности почти не остается, возможна реализация *пятой модели специальной социальной поддержки местного населения*. Ведь депопулировавшие деревни — это, по существу, дешевые дома престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечат. Но они требуют особого обслуживания: автолавок с продуктами, доступной медицинской помощи, регулярных автобусных маршрутов (а, следовательно, и приличных дорог), доходящих до всех живых деревень. Эти мелкие, на первый взгляд, но чрезвычайно важные дела – прямая задача региональных и местных властей. При создании подобных условий, дети будут реже забирать стариков в города и чаще приезжать в деревни, что продлит их существование.

Наконец, *шестая модель* связана с дачным реосвоением глубинки. Роль дачного развития удаленной от городов местности, а не только пригородов, как правило, недооценивают. Массовость российской сезонной дачной субурбанизации не фиксируется статистикой, поскольку люди, как правило, не выезжают из городов на постоянное место жительства, а строят или покупают в сельской местности дом как дачу дополнительно к городской квартире. Российская дачная традиция пригородами не ограничивается. Более того, все большее распространение получает феномен *дальней дачи* в тихом безлюдном месте взамен или в дополнение к *ближней даче*, зажатой среди изгородей и коттеджей. Процесс заполнения дачниками удаленных периферийных сельских районов начался еще в 1970-х гг. и набирает силу. Обследования показывают, что дачные зоны Москвы и С.-Петербурга захватили соседние области и уже сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей. На северо-востоке они охватили не только соседние с Московской области, но и Ивановскую, Костромскую. Наплыв дачников в субъектах РФ, окружающих Московскую область, очень велик. Опросы показали, что москвичи и жители подмосковных городов летом в отдельных живописных районах Ярославской, Тверской, Владимирской и других областей увеличивают общую численность населения в 2-4 раза. Но даже в удаленных на 400–600 км районах доля московских дачников достигает 50% собственников домов, а в сильно депопулированных деревнях 70-90%. Однако дачники не повсеместны, они концентрируются в отдельных очагах с наиболее живописными ландшафтами (например, в районах **Костромской области**, расположенных вдоль реки Унжа). В них дачники сохраняют дома и целые деревни. Экономические стимулы, исходящие от дачников, способны занять часть местного населения, они создают спрос на услуги по ремонту и строительству домов, присмотру за ними. Мелкое индивидуальное хозяйство имеет шанс укрепиться, снабжая дачников продуктами. Приток дачников дает стимул к развитию торговли в соседних городах, хотя имеет и негативные последствия, задавая в сезон повышенные цены. Но главное – дачники, в основном интеллигенция, создают иную социальную среду в деревнях, активизируют местное сообщество. Все это может способствовать задержанию местного населения. Постепенно без каких-либо специальных инвестиций на энтузиазме городских дачников, привлекающих в деревню своих коллег, создаются профессиональные деревни: ученых, художников, журналистов, оживающие в основном в летне-осенний период. Есть отдельные примеры и полного погружения горожан в сельскую жизнь с работой в сельской школе или занятием животноводством (наряду с привычными профессиональными занятиями). Однако такие случаи пока еще единичны на фоне массовости временного использования сельских домов горожанами. Тем не менее, именно

горожане в удаленных районах обеспечивают доступ российской периферии к экономике знаний, ее приобщение к инновациям. Главным экономическим ограничителем дачного развития периферии служит сильное отставание развития инфраструктуры и сервисного сектора, а демографическим – уход местного населения, так как без местного населения дачники в таких удаленных местах не задерживаются из-за разграбления домов зимой.

Однако главный ресурс дачного, как и туристического, реосвоения периферии – экологический: чистый воздух, вода, живописные ландшафты. Они вполне совместимы с другим бизнесом и могут даже подпитывать его, кроме крупных предприятий, уничтожающих этот экологический ресурс. Поэтому уже сложившееся и развивающееся дачное использование и возможные новые загрязняющие промышленные предприятия должны быть максимально разведены, что, как правило, не учитывают региональные власти.

ИТОГИ

Успешное выполнение предлагаемого исследовательского проекта позволит продолжить многолетнюю работу междисциплинарного научного коллектива, направленную на всестороннее изучение Ближнего Севера России с позиций его перспективного развития в интересах России.

ПУБЛИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА

Покровский Н.Е., Черняева Т.И. Туризм: от социальной теории к практике управления. М., Логос, 2009, 40 п.л.

С.Н.Бобылев Макроэкономическая политика и устойчивое развитие в: Кто есть кто в экономике природопользования»: Энциклопедия. / ред.колл. Лукьянчиков Н.Н., Бобылев С.Н., Потравный И.М., Шевчук А.В М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009. С.107-121,0,9 п.л.

С.Н.Бобылев Экологическая устойчивость и инновационная экономика на весах кризиса. Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование – 2009: сборник материалов международной конференции. /ред. Е.А.Ваганов и др. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. С.493-506.

Бобылев С.Н. Природный капитал и экосистемные услуги: проблемы компенсации. Экономическая эффективность природоохранной деятельности: теория и практика: Материалы 10-1 Междунар. конф. Рос. Об-ва экол. Экономики/ РЭА им. Г.В.Плеханова. (под ред. В.Г.Князева, И.М.Потравного, Т.Тамбовцевой). М.:ЗАО «Изд-во «Экономика», 2009. – 295 с. С.291-293.

Бобылев С.Н. Подходы к классификации ресурсно-экологических ограничений. Экономические проблемы природопользования: Материалы Ломоносовских чтений 2008 / под ред. К.В.Папенова. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. – 170 с. С.51-63

Бобылев С.Н. От потепления к технологиям //Северное село: традиции и инновации. Под ред. проф. Н.Е.Покровского, М., Сообщество профессиональных социологов, 2010..

- Нефедова Т.Г.* Постиндустриальный коллапс староосвоенной глубинки//Постиндустриальная трансформация старопромышленных районов России. Сборник докладов VIII сократических чтений под ред В.А.Шупера, М., 2011, сс. 132-159
- Нефедова Т.Г.* Поляризация сельского пространства России и возможность сохранение сельских традиций Ближнего Севера// Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки, вып. 6, М.: Российская академия народного хозяйства и госу службы при Президенте РФ, М.: Изд.дом "Дело", 2011, сс.304-326
- Нефедова Т.Г.* Сельская местность Финляндии в сравнении с российским Ближним Севером: роль природных, этно-социокультурных и экономических факторов// экологическое планирование и управление, 2011, № 1, сс. 97-108
- Нефедова Т.Г.* Новые тренды миграций в сельско-городском континууме// Миграции и пространственная мобильность в сельско-городском континууме россии в хх веке: управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. Ставрополь – Фрайбург, 2011, сс. 260-270
- Нефедова Т.Г.* Костромская периферия в фокусе периферийных районов России //Северное село: традиции и инновации. Под ред. проф. Н.Е.Покровского, М., Сообщество профессиональных социологов, 2010.
- Нефедова Т.Г.* Сжатие внегородского пространства России – реальность, а не иллюзия// Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его гос. регулирования, М.: ИГРАН, МАРС, 2010, сс. 128-145
- Нефедова Т.Г.* Основы типологии регионов для целей сельского развития//Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект, М.: Российская академия сельскохозяйств. наук, ВИАПИ им. А.А.Никонова, 2009, сс.168-194
- Нефедова Т.Г.* Поляризация пространства России: ареалы роста и "черные дыры"// Экономическая наука современной России, № 1, 2009, сс. 62-77,
- Нефедова Т.Г.* Российская глубинка глазами ее обитателей//Угорский проект: экология и люди ближнего Севера/ ред.Н.Е. Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008 (вышла в 2009), сс.98-120
- Нефедова Т.Г.* Интеллектуальный вклад дачников в трансформацию сельской местности// Пути России. Современное интеллектуальное пространство, М.: Моск. высшая школа социальных и экономических наук, 2009, сс. 452-466
- Нефедова Т.Г.* Территориальные контрасты сельской нечерноземной России//Территория и планирование, 2009, № 4.
- Кузьминов И.Ф.* Костромская периферия: социально-экономические последствия трансформации лесоуправления //Северное село: традиции и инновации. Под ред. проф. Н.Е.Покровского, М., Сообщество профессиональных социологов, 2010.
- Сомова М.А.* перспективы сельского хозяйства периферийных районов Нечерноземья (примеры муниципального уровня) //Северное село: традиции и инновации. Под ред. проф. Н.Е.Покровского, М., Сообщество профессиональных социологов, 2010.
- Демидов О.В., Вьюгин Е.А.* Экотуризм в российской глубинке. Взгляд молодых финансистов //Северное село: традиции и инновации. Под ред. проф. Н.Е.Покровского, М., Сообщество профессиональных социологов, 2010.
- Виноградский В.Г.* Кто глядит на нас из сельской глубинки? (российская деревня на сломе поколений) //Северное село: традиции и инновации. Под ред. проф. Покровского, М., Сообщество профессиональных социологов, 2010.
- С.Н., Потравный И.М., Шевчук А.В* М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009. С.107-121.

Современный Российский север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре

[Покровский Н.Е.](#)

Город и село: перспектива структурного воссоединения

[Покровский Н.Е.](#)

// Город и село: перспектива структурного воссоединения, 2004

Тенденции «клеточной» глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты

[Покровский Н.Е.](#)

// Город и село: перспектива структурного воссоединения, 2004

[статья]

Перспективы российского Севера: "очаговая" экономика и социальная структура. Под редакцией проф. Н.Е.Покровского

Ред.: [Покровский Н.Е.](#)

Москва: Сообщество профессиональных социологов, 2008

Перспективы российского Севера: сельские сообщества

[Покровский Н.Е.](#)

// Мир России, 2008. Т. 17. № 4. С. 111—135

Российский Север: что в будущем?

[Покровский Н.Е.](#)

В кн.: Сборник научно-популярных статей - победителей конкурса РФФИ 2007 года, 2008.

С. 303—318

[глава книги]

Российский Север: что в будущем?

[Покровский Н.Е.](#)

В кн.: Перспективы российского Севера: "очаговая" экономика и социальная структура.

Под редакцией проф. Н.Е.Покровского, 2008. С. 19—64

[глава книги]

[Environmental and Post-Consumerism Ethics: From Thoreau's Walden to the Ugory Philosophy Project in Kostroma, Russia](#)

[N.E. Pokrovsky](#)

// The Future of Ethics. American Philosophies Forum, Atlanta: Emory University Press, 2010.

[доклад конференции]

Российское северное село в перспективе

[Покровский Н.Е.](#)

// Северное село: традиции и инновации, 2010. С. 5—8

[статья]

Северное село: традиции и инновации

Ред.: [Покровский Н.Е.](#)

Москва: Сообщество профессиональных социологов, 2010

[книга]

Russian Environmentalism (The Yanitsky Reader) / Foreword

[N.E. Pokrovsky](#)

Предисловие к монографии

Environmental and Post-Consumerism Ethics: From Thoreau's Walden to the Ugory Philosophy Project in Kostroma, Russia

[N.E. Pokrovsky](#)

В кн.: Future of Ethics. American Philosophies Forum. Atlanta: Emory University Press, 2010
[глава книги] 2010

Социальная экология Роберта Парка и Эрнста Берджесса

[Покровский Н.Е.](#)

В кн.: История социологии, 2009. С. 679—697

[глава книги]

Из костромских записей

[Покровский Н.Е.](#)

// Знамя, 2009. № 1. С. 45—60

[статья]